

проекту й вибрати оптимальне коло суб'єктів, які матимуть право подавати заяву.

8. Взяття анатомічних матеріалів у померлого донора не має призвести до спотворення його тіла, що закріплено у ст. 15 проекту Закону.

КАЦИН М. Ю.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
ассистент кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОЛИ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕГО РЫНКА ЕЭС (1957–1985 ГГ.)

Следует отметить, что к окончанию Второй мировой войны Европа оказалась в очень глубоком социальном, экономическом, финансовом, демографическом кризисе. В этот период, среди некоторой части политической и интеллектуальной элиты становится очевидным, что восстановление европейских государств от разрушительных последствий войны лежит в плоскости возвращения к процессу европейской межгосударственной экономической интеграции.

Важно подчеркнуть, что развитие данного процесса, который успешно начался с начала XIX в., было прервано двумя мировыми войнами, чередой разрушительных революций, социальным, экономическим, и финансовым кризисом 30-х гг. XX в., и как следствие вышеперечисленных факторов — обострению применения политики протекционизма и меркантилизма в торговле, который вёл европейские государства к экономическому изоляционизму.

Первой попыткой возобновить процесс экономической интеграции, стало создание Организации Европейского Экономического Сотрудничества (ОЕЭС) на основании Конвенции «О европейском экономическом сотрудничестве». Так, по воспоминаниям первого генерального секретаря этой организации и будущего вице-президента Европейской Комиссии в Европейском Экономическом Сообществе (ЕЭС) Р. Марджолина, главной целью ОЕЭС было воссоздать Европейский рынок как таковой, перед тем как осуществить интеграционный переход к общему рынку.

Следующим этапом на пути к развитию интеграционных процессов, стало создание секторальных интеграционных сообществ. Однако, эта идея не получила достаточной поддержки, и за исключением создания в 1952 г. Европейской Организации Угля и Стали (ЕОУС), другие интеграционные проекты так и остались нереализованными, включая

создание Европейского транспортного сообщества, и Европейского сельскохозяйственного сообщества.

Следует сказать, что к середине 50-х гг. XX в., на уровне политической элиты государств-членов было принято решение об отказе от идеи секторальной экономической интеграции и переходе к построению общего рынка. Так, важным событием в истории европейской экономической межгосударственной интеграции, стало подписание в 1957 г. Договора об учреждении Европейского Экономического Сообщества (ДЕЭС), закрепившего в ст. 2 задачу построения общего рынка государств-членов ЕЭС.

Следует отметить, что классическая теория экономической интеграции придаёт особое значение негативной интеграции, под которой понимают, устранение барьеров в торговле в виде тарифов, квот и мер эквивалентного характера, которые могут прямо или косвенно влиять на функционирование общего рынка. Однако, для формирования общего рынка этот комплекс мер представляется недостаточным.

В тоже время, можно согласиться с позицией французского профессора Ж. Пелкмана, который считает, что негативной интеграции недостаточно для создания по-настоящему общего рынка. По его мнению, движение в сторону позитивной интеграции с целью гармонизации права государств-членов, является необходимым фактором на пути становления должным образом функционирующего общего рынка.

Так, следует отметить, что государства-члены, подписав и ратифицировав ДЕЭС, решили действовать двумя вышеназванными способами. В частности, ДЕЭС запретил следующие дискриминационные меры и практики в отношении факторов производства: количественные ограничения на свободу передвижения товаров (ст. 30 — ст. 37); ограничения на свободу передвижения рабочей силы (ст. 48 — ст. 51); ограничения на свободу учреждения (ст. 52 — ст. 58); ограничения на перемещение капитала (ст. 67 — ст. 73). Договором был предусмотрен специальный транзитный период, в течении которого, все барьеры на пути свободного перемещения факторов производства, должны были быть устранены.

Важно отметить, что Договор содержал только общие положения, закрепляющие правовой режим общего рынка, поэтому на Совет Министров ЕЭС возлагалась обязанность по составлению общей программы, на основании которой, Советом Министров при активном участии Комиссии, был принят ряд регламентов и директив, направленных на разъяснение положений ДЕЭС. Наиболее значимыми из них были: Директива 70/50 (раскрывала понятие «меры эквивалентные количественным ограничениям ст. 30, ст. 34), Регламент 1612/68 (раскрыл спектр прав работников-мигрантов), Директива 68/360 (дополнила положения Регламента в части, касающейся ликвидации административных барьеров въезду, выезду и проживанию граждан государств-членов,

которые желают трудиться в других странах ЕС, упростила процедуру пересечения границ между государствами-членами), Директива 73/148 (облегчила для граждан, процесс оказания услуг и занятие предпринимательской деятельностью). Важную роль сыграл комплекс Директив, который был направлен на ограничение свободы толкования положений Договора со стороны государств-членов. В частности, ДЕЭС оставлял государству право ограничивать свободу передвижения факторов производства на основании угрозы общественной безопасности, общественной морали, здоровью и жизни людей, и др. С целью предупреждения ситуации, при которой государства-члены будут злоупотреблять данным правом, сфера его возможного применения была ограничена. В частности, была принята Директива 64/221 (отказ во въезде может быть основан только на личном поведении лица и не может выступать в качестве превентивной меры).

Обращаясь к тезису Ж. Пелкмана о роли позитивной интеграции, следует обратить внимание на то, что ДЕЭС предусматривал механизм аппроксимации законодательства государств-членов, которое было связано с функционированием общего рынка. Однако, особенность институциональной структуры ЕЭС делала этот процесс громоздким и трудно выполним, т.к. для принятия соответствующей Директивы требовалась единогласная поддержка Совета, которую было очень сложно достичь из-за различий во мнениях государств-членов. Британский профессор П. Крейг отмечает систему единогласного принятия решений и отсутствие доверия между государствами-членами, которое было настолько большим, что аппроксимация права требовало значительных усилий, чтобы гарантировать впоследствии имплементацию положений Директивы государствами-членами.

Важно отметить роль Суда, который смог выступить как «законодательный катализатор», приняв целый ряд решений, не только закрепивших принцип верховенства права Сообщества и принцип прямого действия, но и способствовавших становлению общего рынка. В частности, по делу *2/74 Reyners*, Суд в отсутствие законодательства Сообщества, разъясняющего содержание ст. 52 ДЕЭС, наделил эту статью эффектом прямого действия, в той части, в которой она запрещала дискриминацию по отношению к гражданам государств-членов. В свою очередь, в решении по делу *Case 120/78 Casis* Суд чётко дал понять, что отсутствие гармонизации технических стандартов, не может служить препятствием на пути функционирования общего рынка, т.к. государства должны признавать товары, легально произведённые и находящиеся в легальном обращении на рынке другого государства-члена. Иными словами, Суд закрепил принцип взаимности (*mutual recognition*), который стал впоследствии основой реформы общего рынка и трансформации его в единый внутренний рынок. Это дало основание П. Крейгу сделать вывод, с которым безусловно можно

согласится, что в отсутствии эффективного механизма принятия решений институтами ЕЭС (*decisionalsupranationalism*), европейская экономическая интеграция развивалась, благодаря активной роли Суда (*normativesupranationalism*). В тоже время, К. Мортелманс, соглашаясь с позитивным эффектом решений Суда ЕС для строительства общего рынка, считает, что Суд продемонстрировал пример нейтральной интеграции (*neutralintegration*), применяя термин *alignment* (выравнивание) к правилам и стандартам государств-членов.

ПОЖАР О. Н.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
ассистент кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения

ПРАВОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ, ИММУНИТЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В СФЕРЕ ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Будучи основным, неотчуждаемым правом человека право на личную неприкосновенность, вместе с тем не относится к правам, которые остаются неизменными по своему объему, то есть которые не могут быть ограничены или расширены. В комментариях к ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основоположных свобод, посвященной защите свободы и личной неприкосновенности, отмечается, что даже такое основное право, как право на свободу и личную неприкосновенность, не является абсолютным. «При любой правовой системе возникают ситуации, когда свобода личности при необходимости должна уступать некоторым другим интересам общества» (Марк Дженис. Европейское право в области прав человека: Практика и комментарий. 1997, с. 348).

Итак, перечень прав, которые не подлежат ограничению и действуют в полном объеме при любых условиях, устанавливают международное и национальное право. Обычно, говоря о правах, которые не подлежат ограничению, ссылаются на ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, где предусмотрено, при каких обстоятельствах не могут быть ограничены такие права личности, как право на жизнь, право не подвергаться жестокому, бесчеловечному обращению, право не подвергаться без свободного согласия медицинским или научным опытам, право не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, право не подвергаться лишению свободы за невыполнение какого-либо договорного обязательства, право не привлекаться к ответственности за деяния, которые на время их совершения не являлось уголовным